

ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ ЛОГИКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОЧТЕНИЙ НЕКОТОРЫХ ФРАГМЕНТОВ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Полиmodalность в сфере логики человеческого мышления неоднократно обнаруживалась на разных ступенях развития рефлексивных форм гуманитарного знания; освещались также ее конструктивные социокультурные функции. В данной статье рассмотрены модусы логических конструкций, возникающие при попытках истолкования некоторых “темных” фрагментов текстов Ветхого Завета, смысл которых на сегодняшний день не вполне прояснен с точки зрения их обычного культурологического прочтения.

Сфера логики на протяжении тысячелетий осмысливается как один из атрибутивных уровней развития человеческой сущности. Она является одной из тех очеловеченных форм переработки информации, на которых базируется как духовная, так и материальная культура. (Логика – “сами законы правильного мышления, правильное сочетание мыслей в рассуждении” [8, 288]). Сущность и проявления логики как внутренней последовательности процессов, служащих непосредственным основанием мышления и деятельности, исследуются обширным комплексом наук – от различных типов “логик”, психологии, математики до теории информации, кибернетики, теории коммуникации. Логика, как форма интеллектуальной (то есть психической по своей природе) деятельности, недоступна для непосредственного изучения. Неизбежно применение для ее исследования лишь косвенных методов (либо психологической интроспекции, либо анализа текстуально зафиксированных высказываний в устной или письменной речи). Это приводит как к неполноте ее изученности, так и к известному пренебрежению этой сферой на некоторых исторических ступенях развития школьного и академического обучения. Кроме того, имеются весьма неточные представления о ее сущности, распространенные в общественном сознании.

Одним из таких представлений является мнение об общечеловеческом единстве, универсальности логики. Это мнение весьма устойчиво, поскольку исторически поддерживается существующими авторитарными механизмами идеологической и политической жизнедеятельности общества.

То обстоятельство, что логика мышления на самом деле вариативна, многократно “открывалось” отдельными представителями философии, теологии, точных и частных наук, но вскоре вновь “забывалось”. Процесс логического мышления индивидуума, включающий в себя формирование понятий, в которых выделены изучаемые предметы, оперирование понятиями и суждениями, определение, обобщение, ограничение, деление понятий, преобразование суждений из одних форм в другие, логическое выведение одних суждений из других, обоснование или опровержение одних суждений посредством других [4, 204] не является чисто

“формальным”. Сколько бы “логика” (наука) не формализовала данные операции, сама по себе фиксация “правил”, “законов” их связи не приводит к унификации структур и процессов мыслительной деятельности.

Феномен полимодальности логики неоднократно попадал в поле зрения философов и логиков, специалистов по методологии науки, науковедению, а также культурологов и этнографов. В истории развития самопознания человеческого общества устойчиво соперничают две диаметрально противоположных тенденции. Одна из них, наиболее явно выраженная и признанная, состоит в утверждении закономерности и необходимости единой для всех, общечеловеческой, рациональной, конструктивной, продуктивной логики. Другая тенденция, периодически актуализирующаяся, связана с обсуждением вариативности, многообразия способов построения тех логик, которыми пользуется человечество в целом, отдельные социальные группы или индивидуумы.

При этом первая тенденция не только отражается в наиболее распространенных суждениях, характерных для общественного мнения целых исторических эпох, но и институционализируется. Именно на основе утверждения единого типа логического дискурса создаются религиозные и политические идеологии, выстраиваются все виды школьного и академического обучения.

Историческое самодвижение идей, объединяющихся во второй тенденции, связано с эпизодическими всплесками скептицизма, ересей, нигилизма. Поэтому попытки обоснования идей полимодальности в сфере мышления, логики, способов оценивания фактов действительности, мировоззрения, традиционно получают негативную оценку со стороны господствующих идеологий. Эти негативные оценки глубочайшим образом закреплены в массовом сознании: как “образованные” слои общества, так и “публика” в целом глубочайше убеждены, что возможна “только одна логика” – “истинная логика”, “единственно правильная логика”.

Возникновение первой тенденции связано с гераклитовской теорией познания. “Эту-вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать [ее], и выслушав однажды” [17, 189]. Уверенность в том, что в человеческой субъективной логике в той или иной мере отражена объективная логика (реальная связь вещей, внутренняя закономерность событий, действительные тенденции самодвижения объектов) – Дао, Логос, Идея Идей, Абсолютная Идея – определяет гносеологический пафос многих известнейших философских школ и таких мощных культурных течений, как Просвещение, современные когнитивистские, “технологические” направления в теории коммуникации, социологии, педагогике.

Вторая тенденция в истоках своих восходит к идеям элеатов и стоиков. Она очень активизируется в деятельности средневековых диалектиков. В XII в. Абеляр фактически приходит к идее о существовании весьма далеких друг от друга модальностей логического мышления, изучая теологическое наследие святых “отцов церкви”. Его труд “Sic et non” (Да и нет) посвящен текстуальному анализу некоторых формулировок

основополагающих церковных догматов, которые с логической точки зрения имеют прямо противоположный смысл. Таким образом, Абельяром, во-первых, фактически выявлены реальные исторические модальности теологического мышления; во-вторых, сделана попытка утверждения права мыслящего индивидуума иметь собственное суждение хотя бы и по поводу сакральных предметов. Модальность логики оказывается сферой индивидуальной интеллектуальной свободы.

В начале XX в. А. Пуанкаре, обобщая результаты развития аксиоматизированных разделов математики, неевклидовых и многомерных геометрий, приходит к выводу о том, что в математике с наибольшей полнотой проявляется автономность логики. Математик сам творит “факты этой науки, или скажем иначе, их творит его каприз” [15, 17].

Расширение сферы аргументации в защиту тезиса о реальном существовании модальностей логического мышления происходит в эпоху обоснования теорий логического синтаксиса и логической семантики в работах Р. Карнапа, К. Айдукевича, Я. Лукасевича, К.И. Льюиса, А. Тарского и др. Проникновение идей полимодальности логического мышления в сферу этнографии, психологии, общей теории коммуникации связывают с именами Л. Леви-Брюля, Ж. Пиаже, П. Лазарсфельда. Механизмом возникновения полимодальных систем может быть либо “живое восприятие” одних и тех же объектов при наличии различных исходных мироотношенческих позиций, либо процессы “понимания” культурных текстов, которые исторически и социально оказываются ограниченными варьирующими комплексами узловых категорий и концептов мировосприятия.

В качестве текстуального материала для наглядной демонстрации в объеме данной статьи того, как возникает полимодальность в сфере человеческого мышления, нами избраны некоторые “темные”, традиционно вызывающие вопросы, фрагменты книг “Бытие”, “Левит”, “Второзаконие”. Это описания загадочных технических устройств, технических и технологических процессов, вкрапленные в ветхозаветную картину мира и исторические повествования. многочисленных “чудес”, которые творились пророками – преимущественно Моисеем, позднее – его преемником Иисусом Навином, а также отдельные описания элементов богослужбной деятельности, включающие в себя скрупулезную техническую и технологическую детализацию.

Вопросы “технического” и естественнонаучного плана возникают уже при чтении первых глав книги “Бытие”. Так, в гл. 1 сказано, что Бог сотворил одновременно мужчину и женщину: “По образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их” (Быт. 1: 27). Во 2-й же главе той же книги описывается совершенно новая технология создания человеческого существа: “И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку” (Быт. 2: 21-22) [2, 6]. Почему второй человек оказался другого пола, есть ли это результат “случайного отклонения” – этот вопрос остается непроясненным.

В третьей главе книги Бытие появляется первое изображение загадочного технического устройства: “И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни” (Быт. 3: 24).

В соответствии с книгой Исход, Ангел Господень является Моисею “в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но не сгорает” (Исх. 3: 2). Бог запрещает Моисею смотреть на это пламя и приближаться к терновнику, но требует снять обувь, мотивируя это тем, что вокруг куста “земля святая” (Исх. 3: 5). В последующем на всем протяжении Исхода Бог многократно является Моисею и всем израильтянам в столпе облачном (Исх. 33: 9, 22-23, 40: 34 и др.), а ночью – “в столпе огненном”, “не отлучался столп облачный днем и столп огненный ночью от лица [всего] народа” (Исх.13: 22). Но для египтян он создает полный мрак, лишая их возможности ориентации: “вошел в середину между станом Египетским и между станом [сынов] Израилевых, и был облаком и мраком для одних и освещал ночь для других, и не сблизилась одна с другими во всю ночь” (Исх. 14: 20).

Посох Моисея превращается в магический жезл (Исх. 4: 3), рука его белеет от проказы и тут же исцеляется (Исх. 4: 6), с помощью жезла вода превращается в кровь (Исх. 7: 20, 21), появляются полчища жаб (Исх. 8: 6), мошек (Исх. 8: 17), песьих мух (Исх. 8: 24), саранчи (Исх. 10: 14, 15). С помощью того же жезла вызывается гром, “град и огонь между градом” (Исх. 9: 23-25), “осязаемая тьма” в египетском стане и освещение в стане израильтян (Исх. 22, 23), разделяется море для прохода израильтян (Исх. 14: 21, 22). С помощью жезла обнаруживаются источники воды в скалистой местности (Исх.17: 5, 6).

Одно из наиболее эффективных применений жезл получает в ходе сражения в Рефидоме. В описании этой битвы жезл прямо характеризуется как мощнейшее средство вооружения, использованию которого обучен Моисей: “Моисей сказал Иисусу: выбери нам мужей [сильных] и пойди, сразись с Амаликитянами; завтра я встану на вершине холма, и жезл Божий будет в руке моей. И сделал Иисус, как сказал ему Моисей, и [пошел] сразиться с Амаликитянами; а Моисей и Аарон и Ор зошли на вершину холма. И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалик; но руки Моисеевы отяжелели, и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем, Аарон же и Ор поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой *стороны*. И были руки его подняты до захождения солнца. И низложил Иисус Амалика и народ его острием меча” (Исх. 17: 9-13).

Проблема дефицита продуктов питания – неоднократная транспортировка больших стай перепелов (Исх.16: 13) и манны, по-видому, в очень больших количествах, потому что ею питались израильтяне на протяжении 40 лет своих странствий по пустыне, также решается с помощью каких-то технических устройств (Исх. 16: 14, 31-35).

Массовые эпидемические заболевания, охватывающие целые государства (Исх. 9: 8-10, 11: 4-7), (Исх.9: 6) “морозная язва” скота (ящур либо сибирская язва) искусственно вызываются Богом и используются как средство политического давления на непокорных.

Удивительно по своим техническим подробностям описание контакта Бога с Моисеем на горе Синай, в момент изречения священных Заповедей. “Моисей взошел к Богу [на гору], и воззвал к нему Господь с горы...” (Исх. 19: 3). “И сказал Господь Моисею: вот, Я приду к тебе в густом облаке, дабы слышал народ, как Я буду говорить с тобою, и поверил тебе навсегда” (Исх. 19: 9).

“...В третий день сойдет Господь пред глазами всего народа на гору Синай; и проведи для народа черту со всех сторон и скажи: берегитесь восходить на гору и прикасаться к подошве ее; всякий, кто прикоснется к горе, предан будет смерти; рука да не прикоснется к нему, а пусть побьют его камнями, или застрелят стрелой; скот ли то, или человек, да не останется в живых; во время протяжного трубного звука, [когда облако отойдет от горы,] могут они взойти на гору” (Исх. 19: 11-13). “На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии, и густое облако над горою [Синайскою], и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане... Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась; и звук трубный становился сильнее и сильнее. Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом. И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и взошел Моисей. И сказал Господь Моисею: сойди и подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть *Его*, и чтобы не пали многие из него” (Исх. 19: 16-22).

Данные фрагменты Ветхозаветных текстов объединяются одной общей чертой: вещи, явления или действия, которые в них описываются, совершенно непонятны с точки зрения повседневного человеческого рассудка или “здорового смысла”. Потому начальные “шаги” логического

дискурса оказываются тождественными для всех типов читателей, независимо от их мировоззренческих ориентаций. Первый вопрос, который неизбежно должен быть задан: *как* такое могло быть?

“Автоматического” ответа, на уровне обычных психологических ассоциаций, этот вопрос не получает. Поэтому, после естественной паузы для размышления, следует неопределенный ответ: *мы не знаем*.

Поэтому задается следующий вопрос: *почему* мы не можем ответить на вопрос “*как...*”? (Фактически за вопросом “почему...” скрывается потребность в сужении неопределенности. То есть он может быть выражен и в такой форме: *каким образом* мы можем уйти от обнаружившейся неопределенности, чтобы избежать ответа “не знаем”?).

Ответ, который дается на этот вопрос, уже гораздо более определенный: мы не можем ответить на вопрос “*как...*” по той причине, что в нашем жизненном опыте, а также знаниях, накопленных в процессе образования, отсутствует информация, необходимая для ответа.

Какие же выводы должны последовать из этих рассуждений? Итоговые умозаключения оказываются совершенно неоднозначными у различных субъектов. В данном случае обнаруживается, что на резюмирующие суждения решающим образом влияет *индивидуальное мировоззрение*.

Первый вариант резюме дается с позиций иудео-христианского мистицизма. Теология *не рекомендует* относиться рационально к текстам Библии. То есть в систему логических рассуждений внедряется компонент, имеющий свое основание в мировоззренческих позициях: все библейские тексты являются продуктом мистического богооткровения, переживаемого пророками. Поэтому каждое их слово есть “божественная” истина. Следовательно, вопрос “как?” с намерением выяснения “обычной” взаимосвязи природных вещей по отношению к загадочным высказываниям *запрещен*.

Геологическая позиция сформулирована историком христианской церкви М.Э. Посновым: “Библейская история имеет своим источником боговдохновенные книги, в содержание которых мы веруем; вследствие этого мы лишаемся права ставить критическое исследование источников библейской истории с такую же свободой, как исследование источников позднейшей истории...” [14, 19]. Рядовому верующему христианину данная установка предлагается в упрощенной формуле “Катехизиса”: “Это учение Божие сначала передавалось устно из рода в род, а потом, по внушению Божию, было записано Моисеем и другими пророками в священные книги” [7, 23].

Второй вариант логического резюме, основанный на отрицании веры в богооткровение *всех* библейских текстов, приводит к совершенно иным результатам. Еще в 140 г. в оригинальном произведении под названием “Антитезы” Маркион, бывший епископ, изгнанный из Синопа и основавший в Риме свою собственную церковь, путем параллельного цитирования устанавливает наличие непреодолимых противоречий между текстами Ветхого и Нового Завета. Вывод Маркиона таков: “автором” творения и древнего Моисеева закона является ветхозаветный “злой” Бог. “Добрый” бог

Евангелий жертвою собственного сына обеспечил верующим освобождение от зла и несправедливости. Поэтому основной идеей Маркиона становится требование “не вливать молодого вина в мехи ветхие”, заимствованное в Евангелии от Луки (5:37) [6, 145].

Собственный вариант логического и скептического анализа Ветхого Завета создали авторы “Талмуда”, а также его средневековые комментаторы. В виде отрывочных фрагментов до сегодняшнего дня дошло несколько десятков из 200 критических замечаний в адрес Ветхого Завета, сделанных еврейским мыслителем IX в. Хиви Габалки. Он прямо указывал на наличие в Ветхом Завете таких сюжетов, которые совершенно необъяснимы с позиций рационалистической логики, и вообще изображают Бога в виде существа антропоморфного, страдающего большим количеством человеческих недостатков и пороков. Талмудисты находили в Ветхом Завете большое количество малопонятных и противоречивых мест, сопоставляли их друг с другом, стремились их осмыслить и объяснить. “Когда же оказывалось, что это невозможно сделать, на помощь приходила спасительная формула – “teuku” – аббревиатура слов – “Илья-пророк разъяснит все непонятное” [9, 7].

Четвертый вариант отношения к библейским текстам, который, не отрицая богодухновенности текстов, отвергает “слепую” веру в каждое непонятное слово, развился в рамках иудео-христианского мистицизма. К примеру, Филон Александрийский (1 в. до н.э.), признавая ветхозаветного Бога конкретной личностью (Иеговой), имеющей собственную священную историю, изложенную в Библии, выдвинул теорию “сверхумного внутреннего экстатического восхождения к Богу”, что снимает проблему логического понимания библейских текстов [11, 332].

Ориген (185-253) развивал учение об абсолютном единстве Бога, которое превышает возможности какого бы то ни было познания, а значит, и не может быть логически расчленено с помощью вопросов. Бог есть непознаваемая монада, “превышающая всякую сущность”, которая проявляет себя в эманациях чистого огня и духа, постепенно охлаждающихся в душах и телах, и достигающих предельного охлаждения в злых духах тьмы. Библейские тексты предстают в качестве поэтического произведения, где каждое слово является метафорой и аллегорией [10, 165-166].

Очень близкие взгляды развивались нашим выдающимся соотечественником Г.С. Сковородой. Им отстаивался взгляд на Библию как на особенный мир символов, для овладения которым необходимо уметь видеть за ее словесными знаками тайный духовный, невидимый смысл. Особенности аллегорического восприятия Г.С. Сковородой библейских сюжетов детально охарактеризованы в работе В.С. Горского [5, 117-120].

Широко известны атеистические, “разоблачительные” оценки Библии как средоточия маловразумительных и алогичных суждений, противоречащих нормальному человеческому здравому рассудку, которые восходят к ее критике в рамках европейских традиций вольнодумства, деизма и атеизма Нового времени. Возникновение рационалистического

исторического библееведения связывают с появлением “Богословско-политического трактата” Б. Спинозы (1670), а также с публикацией книги Ж. Астриюка “Соображения о первоначальных источниках, которыми, видимо, пользовался Моисей”.

“Его [Бога] согласие, его разрешение, его одобрение, раскаяние, гнев, оскорбление, наказание, воздаяние – все это термины, созданные человеческой фантазией, приписывающей всяческие слабости божеству, которое она постаралась сотворить и породить как воплощение совершенства, хотя сама часто не может сохранить последнее. Ибо разум вовсе не является частицей божества, скорее оно есть чрезмерно преувеличенный плод разума”, – писал оставшийся неизвестным просветитель, автор анонимного трактата XVIII столетия “Бич веры” [1, 43]. Им было найдено собственное объяснение происхождения “странных” фрагментов текстов Библии: “Бывают ли чудеса, в которые не мог бы заставить поверить человек, способный убедить людей в том, что Бог говорил с ним? Не делает ли это общение с божеством его слова оракульскими изречениями, авторитет которых признают, несмотря на их темный смысл, смущающий нас?” [1, 93].

На почве идей скептицизма и вольнодумства сформировалась историко-культурологическая ветвь исследования Библии, у истоков которой стояли В.М.Л. де Ветте, К.Г. Графф, Э. Рейсс, Ю. Велльгаузен. Ответы на вопросы “как” отыскивались ими в сфере изучения особенностей племенных верований древних семитских племен в эпоху, предшествовавшую выделению иудеев и израильтян, а также сравнения древнеиудейской культуры с культурами более древних и развитых народов, живших на прилегающих территориях. Именно это направление мысли является ведущим для современного научного библееведения.

Мы, со своей стороны, видим возможность обоснования еще одного, шестого варианта трактовки выделенных фрагментов текстов. Все вопросы об их противоречивости снимаются, если принять в качестве гипотезы предположение о том, что эти отрывки имеют очень древнее происхождение. Их авторы, ничего не выдумывая, описывали в своих текстах именно те факты и события, свидетелями которых были на самом деле. Позднейшие переписчики Библии тщательно сохраняли эти фрагменты, усматривая в самой их непонятности важнейшие доказательства реального, физического присутствия Бога рядом с древними израильтянами.

Все моменты, совершенно непонятные для людей прошлых эпох, не признающих “богооткровенности”, становятся безусловно понятными, если осмыслить их с точки зрения наших современных научно-технических знаний. К сожалению, такой вариант их истолкования, распространенный в среде так называемых “уфологов”, почти не рассматривается научной культурологией и религиоведением. Однако Дж.Дж. Фрезер приводит целый ряд мифов, которые с его точки зрения появились значительно ранее рассматриваемых библейских текстов, и могли быть использованы их авторами. Так, племена вафипа и вабенде в Восточной Африке рассказывают

о том, как однажды бог, которого они называют Леза, спустился на землю. Араваки в Британской Гвиане передают, что создатель некогда сошел с неба на землю, чтобы посмотреть, каково живется его творению – человеку. Туземцы острова Ниас, лежащего к западу от Суматры, рассказывают, что после сотворения земли на нее спустилось с неба некое существо (не бог-творец!), чтобы на свой манер довершить творение. Его отношения с землянами оказались весьма конфликтными [16; 43-44]. У древних ацтеков имелось предание о великом боге Тецкатлипока, имевшем обыкновение бродить по ночам в образе человека гигантского роста, облаченного в пепельного цвета одеяние и *носившего в руках свою голову* [16; 304].

Можно допустить, что в самых “непроясненных” фрагментах Ветхого завета содержатся многочисленные, упорно повторяющиеся описания внешнего вида, способов использования и эффектов высокотехнологичных средств связи, вооружения, транспорта, которые принадлежат цивилизации, многократно превосходящую в своем развитии иудео-израильскую и египетскую.

Эдемский “херувим” – вполне обычная для современной армии автоматическая локационная установка с лазерным излучателем.

Женщина, если верить книге Бытия, создана методом биологического клонирования из клеток Адама.

Все случаи целенаправленного инициирования эпидемических заболеваний связаны с использованием бактериологического оружия. Вполне понятны причины, по которым такого вида поражающие средства непосредственно Моисею не доверялись.

Личное “оружие” Моисея, называемое в Библии “жезлом” – это многофункциональный бластер (импульсный излучатель электромагнитного поля). Все “чудеса”, производимые с помощью “жезла”, вызываются действием в одних случаях – низких частот (разрушение скалы для расчистки протока воды, “разделение” Чермного моря на два водяных вала для прохождения израильтян по морскому дну), в других случаях – высоких частот.

При этом, исходя из характера детально описанных эффектов, при необходимости использовались и особые диапазоны высоких частот, превращающие жезл в психотропное оружие (массовое принудительное перемещение живых насекомых, животных, птиц, змей, использование его в битве при Рефидоме).

В книге Числ описывается еще один прибор с высокочастотным терапевтическим воздействием. После искусственно вызванного нашествия змей, с помощью которого Ягве пытался поднять моральный дух утомленных странствиями и войнами израильтян, он выдает этот прибор для спасения тех, кто еще уцелел.

“И пришел народ к Моисею и сказал: согрешили мы, что говорили против Господа и против тебя; помолись Господу, чтоб Он удалил от нас змеев. И помолился Моисей [Господу] о народе. И сказал Господь Моисею: сделай себе [медного] змея и выставь его на знамя, и [если ужалит змей какого-либо человека], ужаленный, взглянув на него, останется жив. И сделал Моисей медного

змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив” (Числа 21: 7-9).

События у подножия Синайской горы весьма похожи на проводы космического корабля.

Совершенно особенные меры принимаются для сохранения содержимого Ковчега, в котором должно храниться наследие Иеговы, врученное им Моисею (Исх. 36: 8-38, 37: 1-29). На все весьма сложные работы, смысл которых, по-видимому, состоял в максимальной изоляции Ковчега и помещения, где он должен был размещаться, от внешних или внутренних электромагнитных либо радиоактивных излучений, было затрачено 229 талантов золота, 100 талантов серебра, 70 талантов меди (Исх. 38: 24-31). (Вес одного израильского таланта равнялся 4 365 г).

Трудно удержаться от рассмотрения еще одного исторического эпизода, в котором явно описано использование низкочастотного резонансного оружия. Это битва при Иерихоне, победа в которой была обеспечена комплексом технических средств, куда входил Ковчег Завета и семь “юбилейных труб”. Трубы вообще широко использовались в древнем Израиле для оповещения о торжествах, во время богослужений для возвещения славы Господней, трубили они и в день вручения Закона. В данном случае их использование удивительно: по наставлению Иеговы Иисус Навин приказал израильскому войску в полном составе семь дней подряд обходить вокруг крепости, в сопровождении семи труб и носилок с Ковчегом Завета. На седьмой день “как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ [весь вместе] громким [и сильным] голосом, и обрушилась [вся] стена [города] до своего основания, и [весь] народ пошел в город, каждый со своей стороны, и взяли город” (Нав. 6: 19).

Разумеется, осуществленные разрушения связаны с использованием механизма низкочастотного резонанса. Иерихон – первый город, взятый в Ханаанской земле после Исхода, был очень богатым и хорошо укрепленным. Понятно, что сами по себе музыкальные инструменты и человеческие вопли, какими бы громкими не было их звучание, на открытом пространстве не способны оказать разрушительное воздействие такой силы, какое описано. По-видимому, главное оружие скрывалось в Ковчеге Завета, про который сказано только, что его несли постоянно вслед за семью юбилейными трубами, в которые трубили священники, а идущие позади Ковчега также трубили в трубы. Войску же было строго приказано: “не восклицайте и не давайте слышать голоса вашего, и чтобы слово не выходило из уст ваших до того дня, доколе я не скажу вам: “воскликните!” и тогда воскликните” (Нав. 6: 9). Роль труб и криков состояла, во-первых, в деморализующем и дезориентирующем воздействии на врага, замершего в ожидании неизвестности в осажденной крепости. Во-вторых, гудение труб и человеческие крики были нужны для маскировки той вибрации, которая в действительности должна была возникнуть при включении прибора. Таким путем решалась важнейшая задача – скрыть факт наличия у израильтян необычного оружия, которое, будучи “рассекреченным”, неизбежно стало бы объектом притязаний их многочисленных врагов.

Думается, что вряд ли иерихонские стены могли быть разрушены одной только “верою” израильтян, как трактуют этот эпизод более поздние источники (“Верою перешли они [израильтяне] Чермное море, как по суше, – на что покусившись, Египтяне потонули. Верою пали стены Иерихонские, по семидневному обхождению” (Евр. 11: 30). Слова эти написаны Апостолом Павлом в Послании к Евреям, на много столетий позже описанных событий. Очевидно, он тоже поставил перед собой вопрос: как они могли произойти – и нашел ответ в сфере молитвы и экстрасенсорных психических процессов, что и было ему по роду деятельности лучше всего знакомо).

Таким образом, для рассмотрения в данной статье нами выделена лишь некоторая часть текстов Ветхого Завета. Объектом исследования являются качественно различающиеся с логической точки зрения варианты истолкования некоторых фрагментов текстов Ветхого Завета, традиционно считающихся “темными”, “загадочными”, не вполне укладывающимися в общую логику теологического или культурологического их прочтения.

Предметом нашего рассмотрения являются внутренние логические структуры, на которых базируются традиционные трактовки данных текстов. При этом решается комплекс задач:

- а) сопоставление этих структур;
- б) выделение некоторых черт их специфики;
- в) обоснование возможности актуализации еще одной логической структуры;
- г) на ее основе – формулировка аргументированного с логической точки зрения понимания внутреннего смысла рассматриваемых текстов в соответствии с современным уровнем естественно-научного и технического знания.

Наши рассуждения “по поводу” занимательных мест из Библии отнюдь не означают попытки потрясения основ двух крупнейших религиозных систем. Мы прекрасно понимаем их слабые стороны, и выдвигаем лишь с целью логической игры, для демонстрации того факта, что новый уровень научных и технических представлений всегда способен изменить внутреннее содержание любых логических конструкций.

“Логика предваряет опыт, который гласит: с чем-то дела обстоят *так*”, – утверждал Л. Витгенштейн, мечтая о том, что новая, единая для всех логика, внедренная в язык высказываний, сможет объединить человечество [3, 69]. Мы же убеждаемся в прямо противоположном положении вещей: полимодальность в сфере реальной логики человеческого мышления, как сумма варьирующих ответов на вопросы “как?”, “почему?” неоднократно возникает в ходе исторического развития общества. Отражая в себе жизненный опыт, уровень образования и мировоззрение личности, а также результаты развития культуры и науки, феномен полимодальности логики человеческого мышления есть объективный факт, имеющий немало конструктивных социокультурных функций.

Література

1. Анонимные атеистические трактаты. Бич веры. Мысли Спинозы. О трех обманщиках / Отв. ред. А.В. Гулыга. – М.: Мысль, 1969.
2. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд. Московской Патриархии, 1976.
3. Вітгенштайн Л. Логіко-філософський трактат // Вітгенштайн Л. Tractatus Logico-Philosophicus; Філософські дослідження. – К.: Основи, 1995.
4. Войшвилло Е. Логика. – Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1964.
5. Горський В.С. Історія української філософії: Курс лекцій. – Київ: Наукова думка, 1997.
6. Доници А. У истоков христианства. – М.: Политиздат, 1989.
7. Закон Божий. Для семьи и школы / Составил Протоиерей Серафим Слободской. – Изд. 4-е. – Репринтное издание. – Holy Trinity Monastery, Jordanville, N.Y. U.S.A. – 1987.
8. Кондаков Н.И. Логический словарь – справочник. – Изд. 2-е. – М.: Наука, 1975.
9. Кривелев И.А. Основные этапы развития исторической критики Ветхого Завета // Происхождение Библии (Из истории библейской критики). Ветхий Завет. – М.: Наука, 1964.
10. Лосев А.Ф. Ориген // Философская энциклопедия. Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1967.
11. Лосев А.Ф. Филон Александрийский // Философская энциклопедия. Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970.
12. Модус // Большая советская энциклопедия. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00048/92400.htm?text>.
13. Модус. Модальность // Толковый словарь русского языка // Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/search.xml?text>.
14. Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). – Изд. “Жизнь с Богом”. – Брюссель, 1964. – Репринтное издание: К.: Изд. “Путь к истине”, 1991.
15. Пуанкаре А. Наука и метод. – СПб., 1910.
16. Фрезер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. – М.: Политиздат, 1989.
17. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Отв. ред. И.Д. Рожанский. – М.: Наука, 1989.

Summary

M. Scherbina. Polimodality of logic in historical space of reading of some fragments of the Old testament.

The polimodality of logic of thought and its constructiv and social-cultural functions revealed in the development of reflection forms of humanitarian knowledge. In this article it was considered the modality of logical systems, which arising up at attempts interpretations of some “dark” fragments of texts of Old Testament, sense of which is not fully comprehended at their ordinaly reading in the cultural theory.

Рукопис надіслано до редакції 17.12.2007.